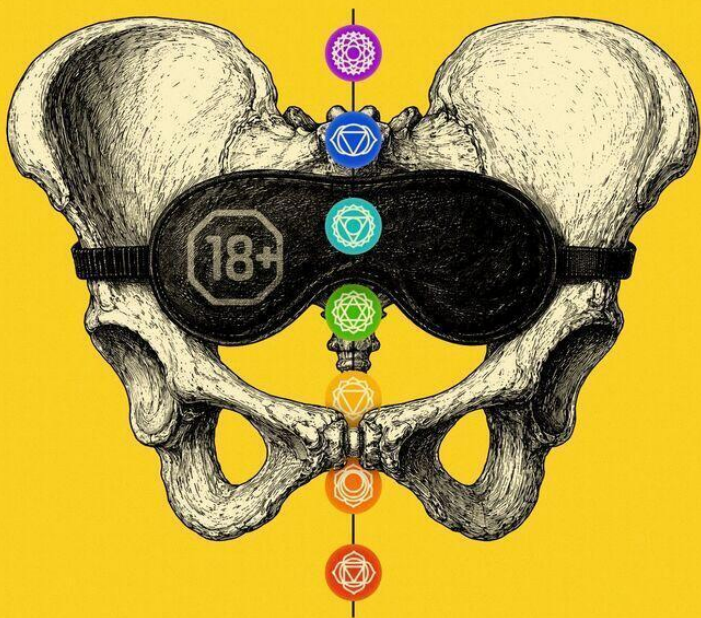

18+ АНДРЕЙ БЕЛЯЕВ-ШИМАНОВ

НАЙТ КОДИНГ

Андрей Беляев-Шиманов

Найт кодинг

<https://litres.ru/74283737>

ISBN 9785007074568

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Жизнь сомнолога Сомова — дно пищевой цепи. Но именно он выясняет, как взломать код вселенной через мужскую физиологию. Выйдя в изнанку мироздания, он обретает власть бога, способного обрушить мировые рынки. За ним начинают охоту спецслужбы и миллиардеры, а собственное тело сгорает от перегрузок.

«Найт Кодинг» — киберпанк-гротеск, с хрустом ломающий рамки жанра.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

АКТ I. LARVA. Аналоговая грязь	7
ПРОЛОГ. НУЛЕВОЙ ПАЦИЕНТ	7
ГЛАВА 1. УКУС ЦИФРОВОГО ЗМЕЯ	14
ИНТЕРЛЮДИЯ I. ТАРЕН КАСТАНЕДЫ	25
ГЛАВА 2. РПГ	30
ГЛАВА 3. Cni gnidoc thgin	36
ГЛАВА 4. Индекс БЕДА	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Найт коддинг

Андрей Беляев-Шиманов

© Андрей Беляев-Шиманов, 2026

ISBN 978-5-0070-7456-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВНИМАНИЕ!

18+

Данная книга содержит нецензурную брань, сцены физиологического распада, насилия, а также упоминания алкоголя и психотропных веществ. Автор категорически не пропагандирует употребление наркотиков, жестокость, аморальный образ жизни или намеренный эскапизм.

Упоминания существующих организаций, брендов и публичных явлений используются исключительно как элементы художественного контекста и не являются рекламой, одобрением, призывом к использованию или оценочным утверждением.

Любые совпадения с реальными людьми, корпорациями, государственными структурами, технологиями и историческими событиями являются исключительно художественным вымыслом, багом матрицы и плодом воспалённого во-

ображения. Если вы узнали в тексте себя — вам показалось.

I AKT. LARVA.

АКТ I. LARVA. Аналоговая грязь

ПРОЛОГ. НУЛЕВОЙ ПАЦИЕНТ

Принято считать, что отечественная наука мертва.

Это оптическая иллюзия. Она не впала в кому, не ушла на больничный и тем более не упокоилась с миром. Она превратилась в гальванизированный труп, который тихо, без некрологов, продолжает дёргаться где-то в историческом зазоре между дефолтом и пандемией. Говорят об этом охотно — на кухнях и в подкастах, обсуждая очередного физика из Новосибирска, который получил грант от MIT и теперь живёт в Бостоне, где снег убирают до того, как он превратится в грязь, а платят твёрдой валютой.

Умник из хорошей столичной школы сегодня смотрит на карту возможностей как хищник на мясную витрину: Стэнфорд, Технион, Массачусетс — цена входа понятна, результат предсказуем. Российская академия наук в этом меню — строчка в самом низу, набранная слепым шрифтом: «Условия уточняйте у администратора. Администратор в запое до 2031 года».

Казалось бы, зачем ворошить заколоченное тело?

Но среди тотальной, кристально логичной эмиграции интеллекта всегда остаются мутанты. Не романтики — те давно

уехали. Не казённые патриоты — те пият бюджеты в соседних кабинетах. Остаются люди, чьё мышление прошито перпендикулярно плоскости здравого смысла. Отморозки науки, которых интересует не «сколько заплатят», а «что будет, если пустить разряд вот по этой влажной, живой штуке».

Такие люди опасны. Особенно когда у них начинает получаться.

Федеральное государственное бюджетное учреждение «НИИ сомнологии» гниет в пятиэтажке постройки 1968 года. Фасад выкрашен цветом, который в советском ГОСТе назывался «бежевым», а дизайнер с синими волосами классифицировал бы как «старческая поебень». Над входом висит табличка с государственным гербом. Орёл держится на одном ржавом саморезе и смотрит клювом вниз — как человек, который давно преисполнился, но по инерции продолжает таскаться на работу.

Внутри пахнет так, как обязано пахнуть любое профильное отечественное учреждение. Смесь хлорки, прелой бумаги, вчерашних щей из буфета и густой застарелой аммиачной вони, въевшейся в линолеум так глубоко, что её не вытравить даже напалмом. Это запах профильной кафедры ИЭ — Изучения Энуреза. Запах первобытного животного страха, который подсознание сбрасывает по ночам.

Половина одиннадцатого утра. Коридор первого этажа. Санитарка Нина Петровна катит штатив с пробирками. Правое колесо каталки намертво заклинило и тянет вправо,

поэтому Нина Петровна уже двадцать лет толкает её чуть левее. Движение механическое, впитавшееся в спинной мозг. Идеальная компенсация сломанной системы. В пробирках плещется моча участников эксперимента по фазовому картированию сна. Янтарная, золотистая, мутно-жёлтая — и одна неестественно неоново-зелёная от медикаментов. Целая палитра человеческого стресса, упакованная в стекло.

Тележка едет мимо стендов с выцветшими графиками, мимо доски с объявлением о продаже велосипеда — висит с 2019 года, — мимо обшарпанной железной двери с табличкой: «Кафедра ИЭ. Лаборатория нейроинтерфейсов. Вход по пропускам».

На табличку Нина Петровна не смотрит. Она знает: за этой дверью — крутая лестница вниз. А внизу сидит тот самый.

Официально цокольный этаж числится как «технический фонд». Никакого фонда там нет. Там работает оборудование. Точнее сказать — оно там живёт.

В душной темноте подвала, где свет включают только к приезду шишек из министерства, перемигивается созвездие диодов. Красные, зелёные и синие огоньки пульсируют во мраке, как новогодняя гирлянда, которую забыли выключить в январе, — и она продолжает мерцать уже из чистой параноидальной злобы. Провода змеятся по полу, перехваченные изолянтной в местах, где их грызли мыши. От самого старого системного блока, стоящего прямо на голом бетоне,

тянется тонкая струйка едкого сизого дыма. Это не авария. Это метаболизм. Здесь всегда так.

Воздух густой. Пахнет канифолью, жжёной пылью, свежей кровью и прокисшим мужским потом.

В стоматологическом кресле у дальней стены сидит человек. Мужчина неопределённого возраста — без пиджака, без брюк, в одном мятом свитере и дырявых носках. Нижняя половина его тела — это лабиринт проводов, клемм и кабелей, уходящих прямо в плоть.

На его висках небрежно, кусками строительного скотча закреплены электроды. Но это — лишь периферия. Из левой ноздри торчит толстый металлический зонд с титановыми контактами на конце. Вокруг — засохшая чёрная корка крови, смешавшейся с лимфой, — она покрывает верхнюю губу, подбородок, грудь. Главный, толстый медный кабель намертво вбуравился в плоть промежности и тянется к аппарату у кресла. Это был не прибор — это было существо. Пугающий гибрид из вскрытых материнских плат, спаянных кулеров, автомобильных аккумуляторов и толстых пучков кабелей, похожих на выпотрошенные кишки киборга. Где-то в глубине этого органического хаоса, едва различимый среди мигающего созвездия диодов, горел один-единственный синий.

Тело в кресле замерло, но оно не спит. Если присмотреться — видна мелкая, нездоровая моторика. Судорожно вздрагивают пальцы рук, словно печатают на невидимой клавиша-

туре. Затем следует короткое, ритмичное сокращение тазовых мышц.

Клик. Клик.

Дабл-клик.

Человек работает там, где его физически нет.

От этого запредельного нервного напряжения по внутренней стороне бедра медленно стекает тёмная жидкость. Организм сбрасывает балласт, но разум этого не замечает.

Губы беззвучно шевелятся. Вдруг нижняя челюсть с сухим, почти хитиновым щелчком сдвигается вбок — словно соскакивает с петель. Кадык судорожно дёргается вверх-вниз, как заклинивший поршень. Физическое тело прямо сейчас работает как дешёвый мясной динамик, через который транслируют слишком тяжёлый, неподдерживаемый аудиофайл.

Сквозь сжатые зубы, с влажным присвистом и хрипом перенапряжённых связок прорывается фраза. Чёткая. Чужая. Произнесённая с пугающей синтетической интонацией — так говорят либо в глубоком бреде, либо когда чужой код вшит в подкорку так глубоко, что человеческое сознание стёрто за ненадобностью:

—оуору.我需要伏特加和俄式餃子。

Синий диод в глубине аппарата мигает — один раз, резко, как аритмичный удар сердца. Его ледяной свет на долю секунды выхватывает из полумрака деталь, делающую всю эту сцену окончательно безумной.

На голом бетоне, всего в полуметре от кресла, лицом вниз лежит молодой парень. Его кроссовок намертво запутался в толстом мотке витой пары. Правая рука неестественно вывернута, пальцы скрючены, словно в последней попытке дотянуться до рубильника. Из-под раздробленного об бетон носа по пыльному полу медленно расползается густая, почти чёрная в скудном освещении лужа крови. Она заливается под плинтус. Тяжёлый, ржавый металлический запах свежей крови смешивается в душном подвале с запахом озона, канифоли и горелой плоти.

Сидящий в кресле этого не замечает. Ему абсолютно плевать на неподвижное тело у своих ног. Он работает там, где смерти больше нет.

В углу меланхолично дымит системный блок.

Никто не входит. Никто не выходит.

А на первом этаже санитарка Нина Петровна всё так же толкает свою каталку с чужой мочой чуть левее — потому что сломанное колесо неумолимо тянет систему вправо.

ГЛАВА 1. УКУС ЦИФРОВОГО ЗМЕЯ

6 месяцев назад

Перекачанная урбанистическим ботоксом и пережившая десяток подтяжек фасадов, Москва с утра выглядела как стареющая элитная эскортница, забывшая смыть макияж после тяжёлой смены. Она была помята, влажна и смотрела на мир заспанными глазами потухших окон. Ранняя весна висела над ней низким, грязно-серым бетонным потолком, из которого сочился то ли дождь, то ли мелкий колкий снег, превращая город в гигантский пульсирующий тромб от МКАДа до самого Садового кольца.

Чтобы эта железобетонная женщина окончательно пришла в себя, требовался кофе. Именно благодаря этому чёрному горькому ритуалу миллионы помятых тел ежедневно воскресали из мёртвых и начинали с кряхтением крутить тяжёлое ржавое колесо российской цивилизации.

Виктор Сомов привык воспринимать мир как единый организм. Ещё в детстве, глядя на панельные дома или рычащие мусоровозы, он видел в них не груды мёртвого камня и металла, а автономные органы огромного левиафана. Люди в этой системе были лишь эритроцитами, молчаливо переносящими кислород по воспалённым венам гипертрофированной столицы.

Прямо сейчас один из таких эритроцитов — сорокатрёх-

летний старший научный сотрудник Виктор Сомов — стоял у круглосуточного ларька «Шаурма-24» и пытался оплатить двойной эспresso.

Он не спал двое суток. Кожа на его лице приобрела оттенок старой газеты, а под правым глазом безостановочно дёргался нерв, отбивая рваный ритм. Ему критически не хватало химической энергии, чтобы довести эксперимент до конца. Но транзакция не проходила. Терминал в руках восточной женщины, которую Сомов про себя окрестил Жасмин, непреклонно светился красным экраном: «Нет сети».

В воздухе стоял едва уловимый зудящий гул. У Сомова раскалывалась голова — верный признак того, что военные снова выкрутили тумблеры на максимум. Глушилки РЭБ работали на полную мощность, накрывая район невидимым свинцовым куполом, в котором замертво падали не только вражеские дроны, но и мобильный интернет, а вместе с ним — банковские приложения, навигаторы, кардиостимуляторы и остатки веры в светлое завтра. Физически этот купол ощущался как вата, туго набитая в уши, и лёгкая тошнота где-то на уровне солнечного сплетения.

— Ё... Ё-ёбанные бес-с... пилотники, — выругался Сомов, привычно заикаясь от недосыпа и тахикардии.

Жасмин в окне ларька сочувственно кивнула, как буддийский монах, познавший тщетность бытия, но стаканчик с кофе от груди не отняла. Нет кэша — нет кофе.

За спиной Сомова уже начала уплотняться небольшая, но

агрессивно дышащая перегаром и сырой шерстью очередь. Учёный судорожно захлопал по карманам драпового пальто. Это был древний, генетически прошитый танец нищеты — ритуал поиска заначки, который исполняют все, кто внезапно оказался выброшен из сытой цифровой экономики обратно в суровую аналоговую реальность. В карманах не было ничего, кроме пустой карты «Тройка», крошек и фантика от таблеток.

В качестве последнего жеста отчаяния Виктор расстегнул пальто, запустил руку в карман надетого под низ мятого медицинского халата и замер. Пальцы нащупали что-то мягкое. Между пропуском в НИИ и старым рецептом на антидепрессанты покоилась рыхлая, тёплая, как живое существо, пяти-сотрублёвая купюра.

Сомов выдохнул так, будто нашёл формулу бессмертия. Он аккуратно расправил фиолетового Петра Первого и с достоинством передал его хранильнице сезама. Жасмин посмотрела на купюру на просвет — не из банка приколов — и бросила в кассу.

— Сдача нет, — философски сообщила она.

— Ооо... ставь себе. На чай, — победоносно произнёс Сомов с интонацией заикающегося римского патриция, забирая свой бумажный стаканчик.

Он пошёл в сторону НИИ сомнологии, обжигая язык дешёвой пережжённой горечью робусты. Дело всей его жизни, которое он тащил годами параллельно со своей основной

— и глубоко унижительной — работой по изучению ночного энуреза у взрослых, находилось в миллиметре от триумфа.

Его детище — кустарный нейроинтерфейс, аппарат для прямой загрузки кода в подсознание через фазу быстрого сна — было готово. Но всё упиралось в этот чёртов интернет, которого снаружи не было.

Сомов запрокинул голову, глядя в мутное московское небо, скрывающее военные спутники и невидимые микро-волны, прошивающие город насквозь.

«Господи, когда же нас всех уже отпустит?» — совершенно буднично, без надрыва мысленно отправил Сомов запрос во вселенную. Эту фразу, как мантру, как заклинание для починки Wi-Fi, ежедневно повторяли миллионы россиян, вкладывая в неё лишь глухую усталость от сломанного быта.

Через пятнадцать минут он уже запирал изнутри свою камеру на цокольном этаже НИИ. Здесь, вдали от стерильных кабинетов наверху, пахло пылью, канифолью и тоской отечественной науки.

Здесь, на нижнем уровне, пробивалась связь. Подвал питал старый, ещё советский проводной интернет — медный кабель толще, чем кровеносные сосуды самого Сомова. Он не зависел от спутников и дронов. То, что нужно.

Виктор скинул пальто. Снял брюки, аккуратно повесив их на спинку стула, чтобы не вытянулись колени. Оставшись в одних семейных трусах, сером свитере и дырявых носках, он подошёл к кушетке. Над ней громоздился его аппарат — чу-

довищный Франкенштейн из старого системного блока, спитого осциллографа и мотков медной проволоки.

Сомов много лет изучал энурез. Он знал физиологию процесса наизусть. Официальная медицина считала ночные произвольные мочеиспускания сбоем нервной системы. Но Сомов докопался до истинной механики: когда подсознание расслабляется во сне или сталкивается с критическим стрессом, оно сбрасывает накопленное психическое напряжение через нижнюю чакру, через сфинктер мочевого пузыря. Животная физиология берёт верх над разумом, превращая человека обратно в испуганного примата.

Но чтобы запустить найт-кодинг, чтобы прописать архитектуру программного кода напрямую в мозг, нужно было развернуть этот поток вспять. Хакнуть систему через чёрный ход.

Нельзя взломать сознание через глаза или уши — там стоят природные файрволы, критика и сомнение. Вектор должен бить снизу вверх. От корневой животной энергии кундалины, от предстательной железы — прямоком к лобным долям. Базовый рефлекс страха и оргазма должен был стать проводником для гигабайтов данных.

Нужен был якорь. Точка входа. Древнейший архетип инициации: змея, кусающая за корень жизни, чтобы даровать божественное знание.

Виктор взял со стола ватные диски, щедро смочил их в солевом физрастворе с растворённым феназепамом и приле-

пил на закрытые веки, жёстко зафиксировав сверху повязкой для сна. Глаза тут же обожгло химическим холодом. Внешний мир погас.

Вслепую, по мышечной памяти, он нащупал медные клеммы-прищепки и закрепил их на мочках ушей — это был «ноль». Затем его дрожащая рука легла на главный провод. На конце провода тускло мерцал синий автомобильный диод, перепаянный и оснащённый выступающей микроиглой.

Сомов сглотнул, приспустил бельё и на ощупь поднёс диод к паху. Руки были ледяными и влажными. Он прекрасно понимал: если сейчас ошибётся с амперажом, то до конца своих дней останется не только нищим бюджетником, но и безмолвным евнухом с сожжённой простатой. Но пути назад не было. Тот, кто хочет стать демиургом в России, всегда платит плотью.

Виктор стиснул зубы и прижал диод к самой чувствительной точке промежности. Игла с хрустом вошла под кожу, как укус раскалённого цифрового насекомого. Задышавшись от боли, он нащупал тумблер на панели прибора и рванул его вверх.

Ток ударил снизу. Цифровая змея сомкнула челюсти.

Реальность в голове разорвалась с оглушительным стеклянным треском. Серая давящая масса Москвы лопнула, как мыльный пузырь, и Виктор Сомов с воплем рухнул в ослепительный бесконечный свет.

Боль от укуса в паху исчезла, мутировав в чистую звеня-

щую эйфорию. Он открыл глаза — или то, что их заменяло — и судорожно вдохнул воздух, пахнувший озоном и свежескошенной травой.

Вокруг, до самого горизонта, простирались бесконечные глянцево-идеальные зелёные холмы. Трава под ногами была настолько химически сочной, что казалась выкрученной на максимум настройкой насыщенности. Над ним висело безупречное ультрамариновое небо с пухлыми кучевыми облаками. Сомов замер, узнавая этот ландшафт. Это были знаменитые холмы «Безмятежность» — классические обои с рабочего стола старой Windows XP. Для кого-то — пережиток прошлого, но для Сомова этот вид всегда был символом новых горизонтов, абсолютной свободы и обещанием цифрового рая из тех времён, когда будущее ещё казалось светлым.

Всё вокруг выглядело как сон, но с пугающей, режущей глаз чёткостью. Пространство не дышало мутным хаосом обычного сновидения — оно замерло в ожидании команд. Слово пришло само.

Вайб.

Так его ассистент Платон описывал всё, что не поддавалось чёткой классификации, но имело ярко выраженную атмосферу. То, где сейчас оказался Сомов, было именно Вайбом — цифровой оболочкой, грубо натянутой на голый каркас подсознания.

Внезапно картинка начала дрожать. Края холмов поплыли, небо стало смазываться, как акварель под дождём. Ра-

зум, не привыкший к такой нагрузке, пытался вытолкнуть его, растворить в бессознательном хаосе.

«Держись...» — приказал себе Сомов.

Он вспомнил старую, затёртую до дыр практику Карлоса Кастанеды. Главный закон осознанного сновидения: чтобы зафиксировать точку сборки и не вылететь из сна, нужно найти свои руки.

Виктор с трудом поднял ладони на уровень глаз.

Сначала они двоились, распадаясь на пиксельную крошку. Но стоило ему сконцентрировать внимание, как пальцы обрели невероятную резкость. Он увидел каждую пору, каждую микроскопическую трещинку на коже. Руки налились плотностью и начали едва заметно светиться мягким золотистым контуром. Как только фокус закрепился, весь мир вокруг обрёл кристальную гиперреалистичную чёткость. Руки были его аватаром. Его контроллером.

Сомов пошевелил пальцами. Воздух вокруг едва заметно рябнул. Пространство реагировало на микромоторику.

«Хорошо, — подумал он. — Давай изменим погоду».

Он поднял правую руку и начал перебирать пальцами, как слепой пианист, берущий сложный аккорд. В голове он держал чёткий образ: солнце. Облака над холмом дрогнули, сквозь них неуверенно пробился золотистый луч. Но картинка мигала, норовя откатиться к базовым настройкам. Системе не хватало подтверждения. Не хватало клавиши «Enter».

Виктор интуитивно, повинуюсь какому-то древнему ре-

флексу, сосредоточился на корневой чакре и сделал то, что тысячелетиями практиковали даосы. Он напряг мышцы тазового дна. Лёгкое, выверенное сокращение сфинктера.

Клик.

Пространство моргнуло и намертво зафиксировалось. Облака исчезли. На холм обрушился ровный, тёплый, абсолютный солнечный свет. Сомов засмеялся. Звук его голоса разнёсся над зелёными просторами густым объёмным эхом. Без единого заикания.

И тут он осознал самое главное: здесь, в этом месте, его голосовые связки не сводило привычным унижительным спазмом. Механика была гениальной в своей физиологической абсурдности: руки писали код, простата работала как левая кнопка мыши, а разум звучал без помех.

— А теперь — вверх, — произнёс он вслух. Произнёс идеально ровно, не запнувшись ни на одной букве.

Он растопырил пальцы обеих рук, направляя ладони вниз, словно опираясь на невидимый поток воздуха, и начал быстро, ритмично печатать в пустоте. Одновременно с этим он стал делать частые лёгкие сокращения в паху.

Дабл-клик.

Тройной клик.

Удержание.

Гравитация отключилась, как забытый фоновый процесс. Зелёные холмы мгновенно ухнули вниз. Он взмыл в небо со скоростью истребителя. Воздух с рёвом ударил в лицо. Со-

мов летел, раскинув руки, оставляя за собой золотистый инверсионный след. Он смеялся — громко, чисто, как ребёнок, опьянённый абсолютной властью над материей.

Он чувствовал себя Гагариным, вырвавшимся за пределы земной симуляции. Последний раз ему было так легко восемнадцать лет назад, в индийском ашраме, когда двадцатипятилетний Витя Сомов сидел на берегу Ганга и искренне верил, что мир можно постичь одной лишь силой мысли.

Он мог лететь вечно.

Но физиология жестока. В реальном мире кустарный диод начал перегреваться. Резкая дёргающая боль пробила цифровую эйфорию. Небо перед ним пошло рваной красной рябью. Сквозь шум ветра прорвался мерзкий дребезжащий звук.

Др-р-р. Др-р-р.

Заряд падал. Змея разжимала челюсти.

Пространство дёрнулось. Вайб пошёл трещинами, как разбитый экран смартфона. Зелёные холмы Windows свернулись в чёрную точку, всосав Сомова в себя с чудовищной тошнотворной гравитационной силой.

Виктор с хриплым криком выгнулся дугой на продавленной кушетке. Повязка слетела с лица. В глаза ударил тусклый жёлтый свет подвальной лампочки. Пахло формалином, пылью и потом. Он снова был в Москве. Он снова был нищим заикающимся научным сотрудником.

Грудь ходила ходуном. Сердце билось где-то в горле.

Сомов попытался сесть, оперся руками о край кушетки и внезапно замер.

Реверсивный удар током по корневой чакре, умноженный на запредельный нечеловеческий экстаз первого полёта в Вайбе, перегрузил нервную систему. Предохранители сорвало.

Сомов медленно опустил взгляд. Его серые семейные трусы были насквозь мокрыми. Тёплая позорная лужа уже пропитала простыню под ним и медленно стекала по клеёнке на бетонный пол. Доктор наук, посвятивший двадцать лет лечению энуреза, обоссался во сне как младенец.

Он сидел в мокром белье, тяжело дыша и глядя на мигающий синий диод аппарата. Ему было холодно, унижительно и страшно. Но сквозь этот стыд, как росток сквозь асфальт, пробивалась безумная хищная улыбка.

Он летал. Код работает. А побочный эффект... побочный эффект он как-нибудь переживёт. Пережил же тогда.

ИНТЕРЛЮДИЯ I.

ТАРЕН КАСТАНЕДЫ

Москва, ноябрь 1998 года

На засаленной клеёнке кухонного стола лежал затрёпаный, в мягкой обложке томик Кастанеды «Учение дона Хуана», который Витьке подсунул армейский товарищ. Рядом остывал чифирь в гранёной кружке.

Сомов, два месяца как вернувшийся на дембель, смотрел не на книгу. Он смотрел на свои руки. На синие реки вен под тонкой кожей.

В его голове уже неделю зрела тяжёлая, навязчивая мысль о поступлении в медицинский. Кастанеда писал про индейских магов, точки сборки и мескалито, но Сомов, с его въедливым материалистичным умом, читал между строк. Он не верил в духов. Он верил в физиологию.

«Тело — это не храм, — думал Виктор, сжимая и разжимая кулак, наблюдая за работой сухожилий. — Это Левиафан. Огромная слепая фабрика по перекачке эритроцитов, говна и лимфы. И если индейцы жрали кактусы, чтобы увидеть мир духов, значит, они просто химически взламывали интерфейс этой фабрики».

Ему нужно было проверить эту гипотезу. Не из праздного любопытства, а чтобы доказать себе: биологическая машина управляема.

Кактусов в заснеженной Москве 98-го года не было. Зато в вещмешке, с которым Сомов вернулся со службы, лежала оранжевая пластиковая коробочка. Аптечка АИ-2. В гнезде номер семь прятался белый пенал с тареном — мощным армейским холинолитиком, блокирующим передачу нервных импульсов.

Виктор высыпал на ладонь три розовые таблетки. Запил их холодным горьким чифирем.

Он сел на табуретку, положил руки на стол и стал ждать. Через сорок минут слюна исчезла, превратив рот в наждачную бумагу. Пространство кухни начало терять плотность. Сомов посмотрел на холодильник «ЗИЛ» — тот мерно гудел, но звук теперь имел цвет. Густой желто-коричневый цвет гниения.

Виктор встал, и его чуть не вырвало от внезапного искажения гравитации. Восприятие отслаивалось от плоти. Он чувствовал, как сознание, словно воздушный шар, пытается оторваться от тела, но что-то его держит. Мозг хаотично генерировал галлюцинации: обои покрылись пульсирующей венозной сеткой.

«Сигнал рассеивается, — с холодной отстранённостью исследователя подумал Сомов. — Мозг — это просто антенна. Приёмник. Чтобы поймать нужную частоту, а не этот бред, нужно заземление. Физический якорь».

Он вспомнил анатомический атлас, который листал на днях. Центральная нервная система уходит вниз по позво-

ночнику и заканчивается там, в корневом узле. В промежности.

Его взгляд упал на нижнюю полку шкафа, где пылился бабкин аппарат для электрофореза «Поток-1». Тяжёлый металлический ящик с миллиамперметром и карболитовой ручкой.

Сомов действовал на чистых сомнамбулических рефлексах. Воткнул вилку в розетку. Аппарат угрожающе загудел. Взял два свинцовых электрода. Один, с плюсовым зарядом, он изолянткой примотал к основанию шеи, прямо над шейными позвонками — там, где ствол мозга переходит в спинной.

Затем стянул спортивные штаны. Руки тряслись, тарен выкручивал восприятие так, что собственные ноги казались чужими, деревянными протезами. Второй электрод он жёстко зажал между ног, вдавив холодный свинец прямо в тазовое дно, ближе к простате.

— Посмотрим, где твоя точка сборки, дон Хуан, — прохрипел Сомов пересохшим горлом.

Он потянулся к тумблеру и крутанул его сразу на тридцать миллиампер.

Разряд ударил с такой яростью, словно Виктору в таз вогнали раскалённый гвоздь.

Но вместо крика из его груди вырвался лишь сдавленный хрип. В ту же микросекунду галлюцинации исчезли. Кухня, грязная клеёнка, гудящий холодильник — всё это мгновенно стёрлось, схлопнулось в одну ослепительную точку.

Сомов ощутил немыслимое: пространственный сдвиг. Его тело осталось сидеть на табуретке, но он сам с чудовищной скоростью вылетел куда-то за пределы трёхмерной сетки координат. Он оказался в абсолютно чёрном гудящем ничто. Перед ним на долю секунды вспыхнула Архитектура — бесконечные математически совершенные фракталы чистого кода. Изнанка реальности. Бездушная, пугающая, совершенная матрица, в которой не было ни бога, ни магии — лишь абсолютный порядок.

Он почти вошёл туда. Почти просунул голову в эту дверь. Но старая советская техника не выдержала.

Внутри «Потока-1» громко щёлкнул пробитый конденсатор. Защитное реле не сработало. Ток короткого замыкания хлынул по проводу напрямую во второй электрод.

Сомова швырнуло на пол. В паху вспыхнула такая боль, что сознание мгновенно втянулось обратно в тело — словно резинка, отпущенная с максимального натяжения.

Запахло палёным мясом, озоном и жжёными волосами. В счётчике на лестничной клетке с треском выбило пробки. Кухня погрузилась во мрак.

Виктор лежал на линолеуме, скорчившись в позе эмбриона. Его трясло от болевого шока. На месте соприкосновения свинца с кожей пульсировал глубокий электрический ожог. Сфинктер, не выдержав спазма и удара током, расслабился, и по бёдрам Сомова потекла горячая вонючая моча.

Он лежал в темноте — обмочившийся, обожжённый, с ко-

лотающимся под горлом сердцем.

Он не стал индейским магом. Он стал куском мяса, который только что коротнуло об розетку. Но в этой агонии родилась абсолютная ясность.

«Аппаратура — дерьмо, — стучало в его висках. — Я ничего не знаю про этот узел. Если я сунусь туда снова вслепую — просто сожгу себе нервные окончания и останусь инвалидом».

Он понял, почему его выбросило. Тело сопротивлялось. Чтобы войти туда по-настоящему, нужно было стать идеальным механиком плоти. Знать о тазовом дне, о нервных сплетениях простаты и сфинктера абсолютно всё. До последней клетки. До последнего синапса.

Виктор медленно, стиснув зубы до скрипа, подтянул к себе колени.

Завтра он пойдёт покупать учебники по анатомии. Поступит во что бы то ни стало. И найдёт вход в эту дверь, даже если на это потребуются десятилетия.

ГЛАВА 2. РПГ

Москва, март 2026 года

Оправдывать побочные эффекты всегда легче, когда ты чувствуешь себя богом. Но быть богом с обоссанными трусами в холодном подвале сомно-института — то ещё испытание.

Эйфория полёта окончательно разбилась о пыльный бетонный пол. Тело пробила крупная дрожь. Сомов вытащил медные клеммы из ушей и, шипя от саднящей боли, наконец отсоединил диод от первоисточника кундалини.

На коже промежности осталась красная, пахнущая палёной плотью точка — в миллиметре от старого, давно побелевшего шрама, оставленного советским электрофорезом.

— П-получилось... — прохрипел он в пустоту, с трудом проталкивая непослушные согласные через сведённую спазмом гортань. В отличие от сияющего Вайба, здесь заикание никуда не делось. — С-с-сука, п-получилось.

Сомов тяжело вздохнул, медленно стянул с себя мокрые трусы, с отвращением бросил их в угол и накинул медицинский халат прямо на голое тело. Озноб усиливался. Он подошёл к столу, где стоял бумажный стаканчик, и сделал глоток. Кофе от Жасмин окончательно остыл и теперь отдавал жжёной резиной.

В этот момент экран лежащего на стуле смартфона заго-

релся, мелко завибрировал и начал безостановочно изрыгать уведомления. Интернет, подавленный утренними глушилками, внезапно прорвался — и реальность поспешила выставить создателю Вайба счёт.

Виктор дотянулся до телефона липкой от пота рукой. На треснувшем экране висела гирлянда сообщений от жены в FAX:

Людмила: Ты перевёл за скобки? (10:14)

Людмила: Витя, ортодонт ждёт до завтра. 250 тысяч. (10:15)

Людмила: Ты опять в своём подвале? (10:40)

Людмила: Мише нужны эти скобки. Ты отец или кто? Ты хочешь, чтобы он вырос таким же ущербным? (11:05)

Людмила: За ипотеку послезавтра 120 спишут. У меня на карте пусто. (11:20)

Людмила: Трубку возьми!!! (11:22)

Людмила: Ты конченный. (11:25)

Он ненавидел говорить по телефону. Людмила прекрасно знала, что от стресса его речевой дефект превращается в тяжёлую артиллерийскую дробь — он не мог выдавить из себя ни слова, только мычал и задыхался. Она виртуозно пользовалась этим как оружием, превентивно выбивая из него любые аргументы.

Людмила была живым эталонным воплощением того, что Виктор давно классифицировал как РПГ — Русский Подкаблучный Газлайтинг.

Это был не тот гляцевый абьюз, о котором снимали слезливые документалки на стримингах. РПГ — это тихий, легализованный террор, система непрерывного экзистенциального продавливания, где главным оружием выступает чувство тотальной мужской неполноценности. В этой системе мужчина добровольно и за свой счёт финансирует собственное уничтожение. Особенность отечественного РПГ заключалась в том, что газлайтер искренне считал себя жертвой, несущей тяжкий крест.

За ипотечную «трёшку» за МКАДом, в которой жила Людмила с сыном, платил Сомов. Но вход туда ему был негласно заказан — Людмила ещё полгода назад заявила, что он «воняет старой пылью, безнадёжностью и пугает ребёнка своим заиканием». Он молча собрал вещи и переехал в институтскую каморку, сохранив за собой статус банкомата, выдающего купюры по требованию. При ставке старшего научного сотрудника в шестьдесят две тысячи рублей он официально носил в семье титул «безответственного мудака». Последние три месяца рацион повелителя цифровых миров состоял из лапши «Красная цена» и акционных сосисок из ближайшего дискаунтера.

Виктор взял ручку. Ему нужно было зафиксировать закономерности Вайба, пока они не стёрлись из памяти.

«Левая рука — макро-переменные. Правая — микро-действия. Простата — Enter (фиксация состояния). Вайб реагирует на символичный язык подсознания...» — быстро стро-

чил Сомов.

Экран мигнул снова. На этот раз — от Платона.

Платон: Виктор Сергеевич, сорян, сегодня не приеду. Траванулся роллами жёстко. Ключи от серверной у меня, завтра закину.

Сомов стиснул зубы так, что в челюстном суставе хрустнуло.

Платон. Двадцать три года. Наглый, патологически ленивый зумер, которого Сомов устроил лаборантом по единственной, глубоко унижительной причине — из-за его матери.

Лариса. Темноволосая богиня их медицинского потока, в которую Витя Сомов был безнадёжно, до скулящей животной тоски влюблён все шесть лет учёбы. Лариса благоклонно принимала его конспекты, позволяла дежурить за неё в клинике, а на пятом курсе предсказуемо выскочила за успешного челюстно-лицевого хирурга. Хирург оказался садистом, брак распался, Лариса осталась одна с сыном.

Спустя двадцать лет она позвонила Виктору. «Витечка, ты же у нас в науке, умный такой... Платоша мальчик способный, но компьютерные игры эти... Возьми к себе, а?» И Витечка, не сумев пробить бетонный блок собственного заикания, чтобы сказать твёрдое «нет», просто промычал в трубку согласие. Взял, чтобы хоть как-то закрыть кровоточащий гештальт юности. Оплатить абонемент в прошлое, которого не было.

В итоге Платон ни хрена не делал, постоянно прогуливал, а неделю назад, похлопав Сомова по плечу, ещё и занял у него последние сорок тысяч рублей — отложенные на взнос за ту самую ипотеку — «на одну верную темку с криптой, поднимем иксы до понедельника». Понедельник прошёл три дня назад. Лариса же ограничивалась редкими голосовыми из фитнес-клуба, в которых называла Сомова «нашим спасителем» на фоне ритмично долбящего техно.

Виктор дописал строчку в блокноте: «...пространство Вайба обладает потенциалом к перепрограммированию физической реальности пользователя. Требуется проверка».

Он поднял воспалённые красные глаза. Посмотрел на свои грязные ногти. На брошенные в угол мокрые трусы. Затем — на разбитый экран телефона, где чёрными цифрами мигал его персональный нерешаемый математический ад: двести пятьдесят тысяч за чужие зубы, сто двадцать тысяч за чужую квартиру, минус сорок тысяч долга от мелкого зумера-засранца. И всё это на фоне шестидесяти двух тысяч официального оклада.

Бухгалтерия экзистенциального дна сходилась копейка в копейку. Он был нулём. Меньше чем нулём — статистической погрешностью системы.

Но теперь у погрешности появился чит-код.

Он отложил ручку. Взгляд упал на старый системный блок — аппарат V.2.1, синий диод которого всё ещё тускло мерцал в полумраке. Завтра он нырнёт туда снова. И на этот раз

он не будет просто менять погоду в своей голове.
Он будет менять этот чёртов мир.

ГЛАВА 3. Cni gnidoc thgin

Платон материализовался в лаборатории на следующий день в половине двенадцатого. Никаких следов заявленного желудочного распада на его гладком ухоженном лице не наблюдалось. Он выглядел свежим, выспавшимся и пах при-торной синтетической смертью со вкусом арбуза — так пахнет пар из модных электронных сигарет, заменяющий новому поколению и воздух, и смысл жизни.

Войдя в цокольное помещение своей привычной жидко-расхлябанной походкой, он нёс перед собой стакан из крафтовой кофейни, как священный грааль своей принадлежности к креативному классу.

— Виктор Сергеевич, здрасьте. Я там ключи от серверной на проходной оставил... — пропел он, механически плюхнувшись на стул и мгновенно врастая взглядом в экран айфона.

Сомов сидел за столом, скрестив руки на груди.

Внутри него стояла мёртвая звенящая тишина. Раньше в подобные моменты в его груди начинала копошиться липкая суетливая интеллигентская слизь — древний вирус вины, который мгновенно перехватывал гортань спазмом и заставлял жалко мычать, подбирая слова, лишь бы не нарушить чужие границы. Сейчас этой слизи не было. Вчерашний Вайб выжег её подчистую, как кварцевая лампа выжигает бациллы в

операционной. Вместе с физиологическим блоком исчезла и иллюзия того, что Платон — это человек. Сейчас Сомов видел перед собой просто кусок биомассы, к которому по нелепой случайности был привязан зарплатный фонд НИИ.

— Ключи заберёшь сам, — спокойно сказал Сомов.

Звук собственного голоса принёс ему глубокое, почти эротическое удовольствие. Ни единой запинки на коварной взрывной «к». Чистое чеканное произношение, рождающееся где-то в диафрагме и свободно выходящее наружу.

— Твои сорок тысяч долга я сегодня утром вычел из твоей зарплатной ведомости за этот и следующий месяц. Официально провёл как удержание за порчу казённого оборудования.

Платон оторвался от экрана. Его зрачки слегка расширились, а лицо поползло вниз, словно плохо наложенная штукатурка. Он моргнул, пытаясь совместить услышанное с привычным образом вечно мямлящего безопасного терпилы Сомова.

— Эм... Виктор Сергеевич, вы чего? Мы же типа договаривались... Я крипту солью в плюс и отдам. Это, вообще-то, не по закону.

— По закону, Платон, ты должен быть уволен по статье за прогулы ещё в феврале.

Сомов физически наслаждался тем, как его слова падают на грязный линолеум лаборатории тяжёлыми свинцовыми шарами. Годами сидевший в горле ком рассосался, усту-

пив место холодной математической гравитации.

С лица зумера окончательно сползла вальяжность. На её место вылезла инфантильная пухлая обида. Он нервно дёрнул ворот брендового худи и скривил губы:

— Это токсично, Виктор Сергеевич. Реально токсично. Я маме скажу, как вы со мной обращаетесь. Она будет злиться.

Сомов смотрел на этого сытого гладкого мальчика — дитя чужих компромиссов и алиментов.

— Я твой кармический детокс, Платоша, — произнёс Сомов ровным, почти ласковым голосом.

Платон перестал дышать — до него вдруг дошло, что всегда заикающийся Виктор Сергеевич говорит с пугающей гипнотической дикцией серийного убийцы.

— Расскажи маме. Расскажи папе. Расскажи в тиктоке. А теперь подними свою нежную, проработанную психологом задницу и дуй на третий этаж, к нейрофизиологам. Скажешь, от меня. Возьмёшь у них банку аппаратного гидрогеля, который они для макак сварили, чтобы у тех шерсть не горела при контакте с электродами. И по пути скрути кулер с майнинговой фермы в подсобке завхоза. Мне нужно активное охлаждение на центральную плату. Живо.

Платон несколько секунд хватал ртом воздух, как выброшенная на берег форель. В глазах Сомова мерцало нечто такое, от чего молодой человек молча встал, оставил свой крафтовый латте на столе и растворился в коридоре.

Апгрейд занял два часа. Кулер, выданный из кишок

мёртвой крипто-фермы и примотанный к системному блоку изолентой, ревел как турбина штурмовика, но исправно отводил жар от перепаянной материнской платы. Инновационный макачий гидрогель — по консистенции напоминающий густую силиконовую смазку из секс-шопа — лёг на медные датчики и синий диод холодным успокаивающим слоем.

Сомов снова лёг на кушетку, превратившуюся в алтарь.

Сегодня ему не нужно было менять погоду. Не нужны были зелёные холмы и животный восторг невесомости. В этот раз он шёл за архитектурой. Задача состояла в том, чтобы аппарат V.2.1 записал телеметрию — полный цифровой слепок того, как человеческое сознание, пропущенное через фильтр корневой простатной чакры, сливается с чистым цифровым полем. Это был не просто лог. Это был чертёж моста между реальностью и раем.

Он нанёс макачий гель. Прижал диод к точке сборки в паху. Сосредоточился. И щёлкнул тумблером.

В этот раз вход был иным. Гель принял на себя термический удар, а ревущий кулер не дал системе захлебнуться. Сомов снова оказался в предбаннике Вайба, но теперь не стал задерживаться на залитых солнцем холмах. Он сделал жест левой рукой, раздвигая легендарную «Безмятежность» Windows XP, как дешёвые фотообои в привокзальном кафе.

За небом не было ничего. Только бесконечный пульсирующий поток первородного кода.

Это был живой фосфоресцирующий машинный бульон,

сплетающийся с его собственными нейронными импульсами. Сомов не пытался его читать — это было бы всё равно что пытаться выпить океан через коктейльную трубочку. Он просто стоял в центре этого урагана данных, удерживая контакт короткими ритмичными сокращениями сфинктера.

Клик. Клик. Удержание.

Биологический пинг уходил в бездну и возвращался обратно структурированной датой. Кустарная сборка в подвале реального мира дребезжала, воняла канифолью, но писала. Она переводила язык божественного откровения в понятные человечеству бинарные нули и единицы.

Через двенадцать минут Сомов вышел сам. Аккуратно, без разрыва соединения и мокрых простыней.

Архив весил тридцать два гигабайта. Тридцать два гигабайта дистиллированной человеческой души.

Сомов сидел за компьютером, сжимая в руках кружку с давно остывшим чаем. Он открыл Тор-браузер, нырнул под толщу провайдерского ила и зашёл на старый глубоко зарытый в даркнете форум. Когда-то здесь выжившие из ума нейробиологи обменивались рецептами кустарных ноотропов и схемами взлома дофаминовых рецепторов.

Он создал анонимную ветку. Заголовок был сухим, как инструкция к дефибриллятору:

«Телеметрия стабильного нейроинтерфейса прямого подключения (фаза быстрого сна). Полный лог синхронизации подсознания и управляемой среды. Не концепт. Работающий

протокол».

К посту он прикрепил зашифрованный сэмпл — ровно три секунды лога. Для любого серьёзного техножреца этого было достаточно, чтобы по запаху крови определить: перед ним подлинный Грааль.

Ответ пришёл пугающе быстро. Прошло меньше десяти минут. Пользователь с нулевой историей. Свежерег.

Никнейм: Cni gnidoc thgin.

Сомов бросил взгляд на ник. Абракадабра. Он не стал тратить время на чтение его задом наперёд, чтобы увидеть Night coding inc. Имена демонов его не волновали. Его интересовали только цифры.

Cni gnidoc thgin: «Сэмпл подтверждён. Сумма?»

Сомов занёс пальцы над клавиатурой. На секунду перед его глазами пронеслась вся его аналоговая жизнь. Шестьдесят две тысячи рублей зарплаты. Дыры на носках. Запах прокисших щей в столовой НИИ, навсегда въевшийся в волосы. Годы унижений.

Сомов: «150 000 USDT».

Он запросил сто пятьдесят тысяч криптодолларов. Был готов к тому, что его поднимут на смех, обзовут скамером и пошлют к чёрту. Ответ пришёл через тридцать секунд.

Cni gnidoc thgin: «Дайте адрес кошелька. Скиньте полный архив после первого подтверждения сети».

Когда на холодном криптокошельке Сомова, который он завёл три года назад из голого научного любопытства, высве-

тилась сумма, эквивалентная почти четырнадцати миллионам рублей, он ничего не почувствовал. Ни радости, ни экстаза, ни трепета. Только тяжёлое основательное спокойствие человека, который наконец нащупал выключатель в комнате, где всю жизнь до крови бился мизинцем об ножку дивана. Деньги были не чудом. Деньги были просто сжатой энергией.

Он вывел через криптообменник полмиллиона рублей на свою обычную потрёпанную зарплатную карту «Мир».

В этот момент телефон на столе зажуужал. Людмила. Она бомбила его сообщениями с самого утра. Сомов не читал их — просто смахивал с экрана, как назойливых цифровых мух.

Но теперь она перешла в ядерное наступление. На экране светилось длинное полотно текста, заканчивающееся классическим заклинанием Русского Подкаблучного Газлайтинга.

Людмила: «...и если ты, мразь, сегодня же не найдёшь эти деньги на зубы ребёнку, я подаю на развод. Ты больше никогда не увидишь Мишу. Я сделаю всё, чтобы тебя лишили родительских прав. Ты понял? НИКОГДА».

Сомов взял телефон. Он не стал писать привычные жалкие оправдания, пропитанные страхом. Писать сообщения всегда было для него комфортнее, чем говорить, но сейчас его пальцы летали по стеклу с яростной пугающей грацией. Он напечатал ровно одну фразу.

Виктор: «А если я всё отправлю — то что?»

Он видел, как под её именем запрыгали три серые точки:

«печатает...»

Потом они пропали. Снова «печатает...» — и снова тишина.

Людмила, виртуозный игрок на струнах чужой экзистенциальной вины, оказалась абсолютно не готова к тому, что её ядерный аргумент будет отражён бетонной плитой холодно-го равнодушия. Сценарий сломался. В её картине мира матрица предусматривала только один вариант: Сомов должен был скулить.

Не дожидаясь ответа, Виктор зашёл в жёлто-чёрное приложение банка.

Перевод клиенту: Людмила Сомова. Сумма: 250 000 руб. Назначение: На скобки Мише. Отправить.

Затем второй перевод. Сумма: 120 000 руб. Назначение: За твою ипотеку. Отправить.

Это не было благотворительностью. Это был акт экзорцизма. Он швырнул эти деньги прямо в пасть древнему демону бытовухи, чтобы тот подавился ими.

Экран тут же загорелся входящим звонком. На фото Людмила, снятая пять лет назад на фоне турецкого шведского стола, широко и искусственно улыбалась.

Виктор смотрел на вибрирующий кусок пластика и стекла. Внутри Вайба он научился одному очень важному действию — фиксировать изменённую реальность. Принимать решение и делать его железобетонным фактом, просто кликнув мышью.

Он сбросил вызов. Перевёл телефон в авиарежим и положил его на стол экраном вниз. Жёсткий бампер смачно щёлкнул по старому советскому дереву.

Клик.

Мир вокруг только начал менять свой исходный код, и Сомову это чертовски нравилось.

ГЛАВА 4. Индекс БЕДА

Деньги не сделали Сомова счастливым в том глянцево-инстаграмном¹ смысле, который продают на марафонах личностного роста. Они сделали его неуязвимым.

Он окончательно осознал это на следующий день, когда они с Платоном, тяжело дыша и матерясь сквозь зубы, затаскивали в цокольный этаж НИИ огромную картонную коробку. Платон пыхтел, но не жаловался. После вчерашнего обнуления долга и демонстрации чистой первобытной силы зу-мер вдруг обнаружил в себе к старшему научному сотруднику нечто сродни стокгольмскому синдрому. Более того, увидев бюджет, выделенный на «апгрейд лаборатории», Платон окончательно признал в Сомове альфу.

Они распотрошили упаковку. На столе теперь утробно, почти угрожающе урчал матово-чёрный системный блок размером с небольшую тумбочку — топовое кастомное железо, собранное под заказ. А посреди каморки, бескомпромиссно вытеснив старую скрипучую кушетку, возвышалось массивное кибернетическое кресло из чёрной экокожи с выносным пультом управления.

Сомов сбросил ботинки, забрался в кресло и нажал кнопку. Внутри спинки тихо зажужжали сервоприводы, тяжёлые

¹ *Instagram принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной на территории РФ.

полиуретановые ролики поехали вверх, мягко, но неотвратимо проминая его задеревеневшую поясницу.

— Бля... — блаженно выдохнул Сомов, запрокидывая голову. — Всю ж-ж-жизнь о таком мечтал.

Капсулы сенсорной депривации с солёной водой были для просветлённых пижонов из Кремниевой долины. Для русского учёного, десятилетиями гнувшего спину над чужими анализами, вершиной экзистенциального комфорта было кресло, которое само мнёт тебе хребет, пока ты взламываешь архитектуру мироздания.

Платон с благоговением посмотрел на босса, переминаясь с ноги на ногу.

— Виктор Сергеевич, а мы... вообще что делаем? Ну, типа глобально?

— Глобально, Платон, мы готовимся натянуть этот мир на новую ось, — не открывая глаз, ответил Сомов. — Иди домой. На сегодня ты типа свободен.

Оставшись один, Виктор подключил серебряные электроды, щедро нанёс на промежность макачий гидрогель и погрузился в Вайб.

Массажное кресло работало как идеальный физический якорь. Ритмичные дозированные толчки роликов в реальном мире не давали сознанию окончательно раствориться в слепящей цифровой пустоте, надёжно удерживая баланс между двумя реальностями.

В этот раз он не стал играть с ландшафтом. Решил пора-

ботать с текстурами, весом и пластикой объектов. Взмах левой рукой, серия быстрых уверенных сокращений простаты — и бесконечная зелёная трава «Безмятежности» сменилась переливающейся неоновой сеткой координат. Сомов вспомнил аниме-сериал, который недавно краем глаза видел по телевизору у сына.

Он начал лепить. Это было похоже на продвинутый редактор персонажей в корейской RPG, только ползунки он двигал силой мысли, а подтверждал выбор лёгким кликом тазового дна. Через пару минут перед ним стояла абсолютная эталонная няшная тьян с фиолетовыми волосами и огромными влажно блестящими глазами. Она наивно хлопала неестественно длинными ресницами и преданно улыбалась своему демиургу. В области паха стало приятно и тепло.

Сомов усмехнулся. Серией микросокращений он заставил её станцевать, потом переписал скрипт, чтобы она станцевала перед ним, снимая полигональную одежду. Это была примитивная, почти подростковая развлекауха, но она позволяла до микрона отточить контроль над пространством. Он программировал материю Вайба, и материя послушно раздвигала ноги.

Он вышел из погружения только через час, почувствовав, что кресло завершило полный цикл массажа. А ещё он немного обоссался. Не лужа, как в первый раз, но бельё пришлось сменить.

Сомов снял датчики, вытер пах от гидрогеля и швырнул

трусы в угол. С энурезом надо было что-то решать — быть богом в памперсах в его планы не входило. Он взял со стола телефон. На экране висело восемь сообщений от Людмилы. Тональность изменилась радикально. Ядерная зима сменилась липкой душной оттепелью.

Людмила: «Витя, дошли деньги. Спасибо.»

Людмила: «Витюш, я тут подумала... мы оба погорячились.»

Людмила: «Я купила твои любимые купаты. Приедешь сегодня?»

Людмила: «Нам надо поговорить. Я соскучилась.»

Сомов смотрел на экран. Ему совершенно не хотелось отвечать. Он чувствовал себя лаборантом, который наблюдает за инфузорией в чашке Петри. Бактерия почуяла каплю питательного бульона, засуетилась, задвигала ложноножками и поползла к ней. Он решил оставить Людмилу на медленном огне. Пусть потушится, поварится в собственной неопределённости.

В этот момент массивная дверь лаборатории скрипнула без стука. В каморку, принеся с собой запах улицы и дорогих духов, шагнула Лариса.

Она была всё так же хороша. Ухоженная, затянутая в элегантное кашемировое пальто, которое стоило больше, чем годовой бюджет НИИ на реактивы. Лариса по-хозяйски окинула взглядом каморку. Увидев новое оборудование и кожаное кресло, её глаза на долю секунды сузились, сканируя

пространство и мгновенно пересчитывая смету обстановки. А затем она включила тот самый режим, который безотказно работал на Вите Сомове последние двадцать лет.

— Витечка... — бархатным, чуть виноватым, обволакивающим голосом протянула она, плавно подходя ближе. — Что же ты с нашим мальчиком так сурово? Платоша всю ночь не спал, расстроился. Места себе не находил.

Она остановилась вплотную. Положила руку ему на плечо. Её ухоженные пальцы с идеальным френчем слегка сжали его ключицу. Лариса чуть склонила голову, глядя на него снизу вверх своими знаменитыми карими глазами, в которых плескалась профессионально отработанная беззащитность.

Внутри Сомова дёрнулся старый, глубоко прошитый триггер. Фантомная боль двадцатилетней выдержки. Тяжёлый пудровый запах её парфюма ударил по обонятельным луковичкам, горло предательски сжалось, и ему на какую-то жалкую долю секунды захотелось извиниться, п-попросить прощения, сказать, что он перегнул палку. Гравитация юношеской влюблённости, этот социальный клей для лохов, потянула его на дно.

Но он уже знал, каково это — летать без гравитации.

Сомов интуитивно применил старую кастанедовскую технику. Когда сон начинает засасывать тебя, заставляя верить в гнилую иллюзию — посмотри на руки. Вспомни, где ты на самом деле. Вспомни, кто тут пишет код.

Он моргнул, стряхивая морок. Посмотрел на Ларису. И

увидел не богиню с медицинского потока, а просто стареющую расчётливую самку, которая пыталась оплатить косяки своего великовозрастного уебана-сына фальшивым, давно просроченным флиртом.

Он аккуратнo, двумя пальцами, словно снимая с пиджака чужой волос, убрал её руку со своего плеча.

— Лариса, — кристально чисто, с пугающей металлической ноткой произнёс он. Ни спазма, ни заминки. — А помнишь наш выпускной?

Она удивлённо хлопнула ресницами. И дело было даже не в резкой смене темы. Её ошарашило то, как он это сказал. Никакого привычного заикающегося «Л-л-ларис, а п-помнишь...». Голос звучал так, будто принадлежал совершенно другому человеку — хищнику, который уже примерился к артерии.

— Конечно, Вить. Такое типа не забывается... — осторожно ответила она, неловко вставив словечко сына и явно сбитая с толку его интонацией.

— Я тогда пригласил тебя на танец. Медляк играл. А ты посмотрела на меня, как на кусок говна на подошве, и пошла виснуть на шее у стоматолога Игоря. Который потом благополучно сломал тебе челюсть на третьем году брака. Помнишь?

Лариса поняла, что игра пошла не по её скриптам. Она попыталась выкрутить ситуацию, придав голосу максимальную глубину и влажную, почти материнскую грусть:

— Витечка... дурочка я была. Молодая, меркантильная. Если бы ты сейчас меня пригласил... Я бы с тобой пошла. Куда угодно пошла бы, Вить.

Сомов смотрел ей прямо в глаза. В его взгляде не было ни старой обиды, ни дешёвого торжества. Только абсолютный ледяной покой хирургической стали.

— А сейчас, Лариса, я с кем захочу — станцую сам.

В повисшей тишине было слышно только, как утробно гудят кулеры нового компьютера, переваривая гигабайты данных. Лицо Ларисы пошло красными некрасивыми пятнами. Глянцевая маска треснула и осыпалась. Она открыла рот, чтобы выплюнуть что-то резкое, женское, уничтожающее, но Сомов просто отвернулся к монитору, потеряв к ней всякий интерес.

— Закрой дверь с той стороны. Сквозит, — бросил он в экран.

Стук её каблуков по коридору звучал как паническая барабанная дробь отступающей армии.

Сомов откинулся в кресле, наслаждаясь тишиной. Снова взял телефон. Медленный огонь, на котором жарилась Людмила, казался всё более уютным. Он почти напечатал ей загадочное «Посмотрим», когда в дверь снова постучали.

На этот раз стук был коротким, сухим, деловым. Дверь приоткрылась. В проёме показались две фигуры в ярко-жёлтых непромокаемых куртках. На лицах — синие медицинские маски, натянутые по самые глаза. У одного за спиной

висел фирменный квадратный термокороб с крупными чёрными буквами:

Индекс БЕДА.

Сомов замер. Он вчитался снова. БЕДА. В голове мелькнула мысль о системном баге. «Пересидел в интерфейсе, — вяло подумал он. — Визуальная кора сбоит, нейроны коротят, буквы плывут...»

— Виктор Сергеевич Сомов? — глухо спросил тот, что был без короба.

— Я н-ничего не заказывал, — нахмурился Сомов, пытаюсь встать с глубокого кресла. От внезапного выброса адреналина старое заикание снова царапнуло горло, напоминая, что физическое тело всё ещё слабо.

— Доставка оплачена, — так же механически ровно ответил курьер.

Всё произошло слишком быстро для человека, который провёл жизнь среди микроскопов, мочи и пробирок. Жёлтая куртка скользнула вперёд с нечеловеческой тренированной пластикой боевого дрона. Сомов даже не успел поднять руку.

Что-то холодное и твёрдое ткнулось ему в боковую поверхность шеи, прямо под челюсть. Раздался короткий змеиный шип пневматического инъектора.

Сомов попытался крикнуть, но мышцы гортани мгновенно онемели, словно залитые свинцом. Массажное кресло вдруг показалось невероятно глубоким, засасывающим его в себя, как чёрная дыра. Последнее, что он увидел перед тем,

как реальность схлопнулась в крошечную серую точку, — ярко-жёлтый куб «Индекс Беды», который вовсе не был оптической галлюцинацией.

Падая в темноту, Виктор инстинктивно попытался уйти в Вайб. Нащупать спасительный код, сократить мышцы простаты, сделать двойной клик и вылететь в ультрамариновое небо. Но плоть больше не подчинялась.

Вместо чистой математической благодати цифрового пространства на него обрушилась грязная, липкая, душная тьма тяжёлого химического наркоза. Сознание с размаху ударилось о дно неконтролируемого бреда.

И это был нихуя не Вайб.

Тяжёлая металлическая дверь лаборатории лязгнула, отрезая цокольный этаж от внешнего мира. Шаги на лестнице стихли. Курьеры унесли обмякшего Сомова, растворившись в московской ночи так же бесшумно, как и появились.

В подвале повисла мёртвая звенящая тишина. Работало только массажное кресло, методично разминая тело пустоты.

В тесной каптёрке, забившись между швабрами и коробками с одноразовыми пелёнками, сидел Платон. Он дышал так тихо, что у него начало темнеть в глазах.

Он ведь вообще не должен был здесь находиться. Сделав вид, что ушёл домой, Платон почти сразу вернулся и тихо прошмыгнул в подсобку — хотел пересидеть, пока мать закончит смену. Он всё слышал. Сначала с ядовитой торже-

ствующей усмешкой слушал через щель, как Лариса унижается перед шефом, выторговывая себе место под солнцем. А потом — как Сомов с ледяным спокойствием размазывает её по стенке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.